

Каша в кастрюле разварилась до состояния клейстера. Тун Ли, держа в руках половник, понемногу перекладывал её в термоконтейнер. Экран мобильного телефона, лежавшего на столе, загорелся — на него поступил беззвучный вызов, который он случайно заметил.

Это был звонок из больницы.

— Здравствуйте, это родственники Тун Пинчуаня? С прискорбием сообщаем вам, что ваш отец скончался 1 февраля 2018 года в двадцать часов тридцать пять минут пятьдесят девять секунд...

— Вы... что сказали?!

Спина юноши неестественно согнулась.

— Вы же шутите, правда? — половник выпал из рук и с резким звоном ударился об пол.

— Примите наши соболезнования.

— Заткнитесь!

Словно кто-то ударил Тун Ли тяжелым молотом, отчего он, потеряв равновесие, повалился назад.

Свежесваренная каша разлилась по полу. Обжигающе горячая масса попала на белую кожу рук, оставив ярко-алые следы ожогов. От боли он вскрикнул, и из глаз хлынули слёзы.

— Вы врете... вы всё врете... Он не мог умереть, он не мог меня оставить... Вы лжецы... лжецы!

На том конце провода послышались холодные короткие гудки.

Мир рухнул.

Ощущение удушья, граничащее со смертью, — юноша впервые познал такую невыносимую боль и отчаяние. Тело, сломленное горем, начало сдавать, сознание постепенно меркло, погружая его в бесконечную тёмную пучину.

Тун Ли не знал, сколько пробыл без сознания. Когда он очнулся, то всё ещё находился на маленькой кухне.

— Это был сон?

У ног расплылась уже остывшая каша, а на руках нестерпимо горели красные пятна ожогов.

Не сон...

Запоздалая боль пронзила нервы. Тун Ли, потеряв рассудок, вскочил и выбежал из дома.

Дождь на улице давно закончился, но под ногами хлюпали лужи, обрызгивая его одежду. Когда Тун Ли добрался до больницы, Тун Пинчуаня уже перенесли в морг.

Врач сказал, что отец умер с открытыми глазами, так и не найдя покоя.

057. Я устал

Тун Ли никогда еще не был так безумен.

Схватив скальпель, он угрожал врачу, заперев дверь морга изнутри.

Тун Пинчуань лежал там, в тишине. Он больше никогда не заговорит, не вздохнет, даже не отругает его.

Тун Ли обнял его. Тело отца было ледяным и твердым, как камень.

— Почему ты не мог меня дождаться, а?

— Ушел тайком, пока меня не было... Ты не имел права так поступать...

— Ты такой плохой. Ты самая ужасная мама на свете, я ненавижу тебя... ненавижу...

— Как же я тебя ненавижу!

...Но я так сильно тебя люблю.

Прислонившись к полке, пропитанной запахом смерти, Тун Ли крепко прижимал отца к себе, растирая его онемевшие холодные руки, пытаясь согреть их своим теплом. Он шептал слова на ухо тому, кто уже никогда их не услышит. Слезы намочили одежду покойного, но отец больше не вытрет их с лица сына.

Тун Ли не помнил, сколько пробыл в морге. Когда он взял телефон, чтобы проверить время, то увидел, что батарея почти разрядилась, а в списке пропущенных — десятки звонков от Лу Яньсюаня и переполненная голосовая почта:

— Тун Ли, твою мать, ты опять не берешь трубку?

— Я же обещал: если еще раз проигнорируешь — клянусь, я вытрясу из тебя всю душу!

— Эй, Сяо Ли, не пугай меня, ты где? Я был у тебя дома, тебя нет. На улице такой ливень, не вздумай где-то шляться!

— Ты же обещал устроить мне завтра праздник в честь дня рождения? Готовишь сюрприз? Хватит прятаться, возвращайся.

Слушая эти резкие сообщения, Тун Ли чувствовал, будто в его сердце вонзают тысячи ножей, проворачивая их в ранах. От боли он начал немного приходить в себя.

Дрожащим пальцем он открыл мессенджер и нетвердой рукой набрал ответ:

— Прости, что заставил волноваться. Свой день рождения отметь сам, я устал.

Как только сообщение ушло, телефон мигнул красным индикатором и окончательно отключился.

Особняк Лу.

Лу Яньсюань сидел на сером мягком диване в гостиной, раздраженно переключая пультом каналы. Телевизор мелькал: новости, мультики, документалки про животных, дорамы — он прогнал их уже десятки раз.

— Молодой господин, господин велел передать, что на вечернем банкете будет присутствовать мисс Е...

Эйви знал, что из-за внезапного исчезновения Тун Ли Лу Яньсюань стал как наэлектризованный — под горячую руку лучше было не попадаться, — но всё же рискнул подойти.

— Если она посмеет прийти, я вышвырну её вон!

С грохотом пульт полетел на пол и разлетелся на куски.

Во дворе суетились слуги, превращая огромную территорию в площадку для банкета под открытым небом: шампанское, многоярусные торты, изысканные закуски, джаз-бэнд.

Он ненавидел это. Каждый год в этот день Лу Юаньли превращал его день рождения в ярмарку тщеславия, где заводил нужные знакомства и заключал сделки.

Внезапно замолчавший телефон подал сигнал. Лу Яньсюань словно получил дозу адреналина: он подскочил с дивана и схватил аппарат.

От Тун Ли!

В просторной роскошной гостиной на несколько секунд воцарилась пугающая тишина.

— Отметить самому? Не хочешь приходить?

Тун Ли, твою мать, что это значит?!

Лицо Лу Яньсюаня, еще секунду назад полное надежды, исказилось от ярости. С горящими глазами он набрал ответный номер.

Абонент выключен.

Выключил телефон сразу после отправки сообщения? Тун Ли, что ты, черт возьми, задумал?!

Мы были вместе так долго, а теперь ты говоришь, что устал? Неужели... всё это время ты просто играл со мной?

Это и есть твой подарок на мой день рождения? Устал играть и решил бросить?

Я отдал тебе всю душу, а ты посмел водить меня за нос?

Хорошо... очень хорошо...

058. Больше ни слова!

Вспоминая, как он, словно дурак, ждал вестей, не спал всю ночь, носился по городу в поисках Тун Ли, переживая, не промок ли тот под дождем, не заболел ли... Лу Яньсюань чувствовал себя жалким клоуном.

— Молодой господин, с вами... всё в порядке? — Эйви вытер пот со лба.

Лу Яньсюань зажмурил свои налитые кровью глаза. Грудь тяжело вздымалась, словно у голодного льва, затаившегося в зарослях. Когда он снова открыл глаза, в них читалась лишь холодная злоба.

К удивлению Эйви, Лу Яньсюань не стал бушевать, а просто уставился на хрустальную люстру под потолком.

Каждый кристалл в ней, казалось, отражал невинное лицо Тун Ли, которое постепенно искажалось, становилось нелепым, а затем рассыпалось на части.

— Скажи отцу, пусть Е Сюэвэй приходит. Я буду вести себя прилично.

Эйви замер, не веря своим ушам:

— Молодой господин, что вы сказали? А как же Сяо Ли...

— Эйви, больше ни слова о нем!

Эйви бросил на него сложный взгляд и вежливо поклонился:

— Хорошо, господин. Я сейчас же передам отцу.

Провожая взглядом уходящего Лу Яньсюаня, Эйви не сводил глаз с телефона, лежащего на столике.

Похоже, господин изменил свое решение именно после того, как прочитал сообщение.

Может быть... произошло какое-то недоразумение?

Эйви с трудом сглотнул.

Профессиональная этика дворецкого запрещала ему лезть в чужую личную жизнь, но резкая перемена настроения хозяина не давала ему покоя. В глазах Эйви Тун Ли не был легкомысленным человеком. Может, его исчезновение было вызвано чем-то действительно срочным?

Эйви прекрасно знал характер Лу Яньсюаня: вспыльчивый, холодный снаружи, но глубоко внутри — ребенок, которому катастрофически не хватает любви и чувства безопасности.

После внутренней борьбы Эйви протянул руку и всё-таки разблокировал телефон.

Сообщение гласило: «Прости, что заставил волноваться. Свой день рождения отметь сам, я устал».

Взгляд Эйви стал тяжелым. Он невозмутимо положил телефон на место, словно ничего не случилось, и вышел во двор, чтобы отдавать распоряжения слугам.

Огромный сад выглядел роскошно. Фонтан со статуей Венеры ожил, в воздухе разливались звуки джаза, девятиярусный торт источал сладкий молочный аромат, а на длинных столах красовались изысканные яства и дорогое шампанское.

Сложно было поверить, что еще вчера здесь бушевал этот разрывающий душу ливень.

Тун Ли разбудил громкий стук в дверь.

Холод морга почти лишил его чувств. В полубреду он видел людей в белых халатах, которые насильно отрывали его от тела Тун Пинчуаня.

— Не смейте трогать мою маму!

— Убирайтесь, не касайтесь его... не трогайте!

Тун Ли почувствовал укол в шею, и свет перед глазами начал меркнуть, погружая его в темноту.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на больничной койке.

Кровать была огромной, но он казался на ней совсем крошечным. Мягкий матрас был куда удобнее, чем те, к которым он привык.

Кто-то приходил.

Рядом стоял букет свежих цветов и прозрачный контейнер с кашей из красных бобов.

Слёзы снова покатались из глаз Тун Ли. Его худое тельце сотрясали рыдания, от которых, казалось, вибрировал весь воздух в комнате.

Тун Пинчуань всё-таки ушел.

Тун Ли взял контейнер — когда-то давно Лу Яньсюань покупал ему такую же кашу.

Это он приходил?

Словно ухватившись за спасительную соломинку, в потухших глазах юноши вспыхнул слабый огонек.

Босиком он спрыгнул с кровати. Холодный пол обжег ступни, но он почти не чувствовал боли. Через секунду он уже выбежал за дверь.

И тут же врезался в мужчину.

059. Куплено ценой жизни

Незнакомец.

— П-простите... — Тун Ли опустил голову, пытаясь обойти его, но тот снова преградил ему путь.

— Тун Ли, вернись в кровать.

Мужчине было около тридцати, у него было примечательное лицо. Тун Ли с первого взгляда понял, чем тот занимается.

Так же, как и Тун Пинчуань.

— Тун Пинчуань просил передать тебе одну вещь.

— Какую вещь? — при имени отца тело Тун Ли наконец обрело чувствительность.

— Сначала вернись в кровать.

Тун Ли, осознав свою слабость, безвольно подчинился и вернулся на койку.

— Теперь можешь сказать?

— Меня зовут А-Кай, я... коллега твоего отца.

А-Кай взглянул на контейнер с кашей и кивнул:

— Ешь, пока не остыла.

Тун Ли тупо уставился на еду. Огонек надежды в его глазах погас — значит, это не Лу Яньсюань приносил её.

Яньсюань сейчас, наверное, очень злится. Я не отвечаю на звонки, прислал лишь одно сообщение...

Сегодня ведь... день рождения Яньсюаня?

Тун Ли вытер слёзы, слушая тяжелые вздохи А-Кая. Он не смел смотреть мужчине в глаза, зная, что увидит там лишь жалость.

— Что... что он просил передать? — Тун Ли опустил голову, разглядывая линии на своих ладонях.

— Сначала поешь, а потом отдам.

Опять то же самое.

Но это касалось отца, и для Тун Ли это было единственной приманкой.

Это предсмертная записка? Или что-то другое?

Раньше эта каша казалась ему сладкой и нежной. Теперь же, проглотив порцию, он почувствовал лишь горечь и кислоту. Вкус сахара, пройдя через вкусовые рецепторы, превратился в нечто омерзительное, словно он жевал воск.

— Теперь ты скажешь?

Увидев, что контейнер пуст, А-Кай наконец достал кое-что из кармана.

— Тун Пинчуань велел передать тебе: живи достойно, иначе он даже на том свете не даст тебе покоя.

В руках А-Кая была ярко-синяя банковская карта.

Под одеялом пальцы Тун Ли мелко дрожали.

— Здесь больше миллиона. Это все сбережения Пинчуаня за многие годы. Он сказал, что пароль — дата твоего рождения. Он хотел, чтобы ты закончил учебу и занимался тем, что тебе нравится.

Тело, скрытое под одеялом, больше не могло сдерживать боль, разрывающую каждую клетку. Он задрожал в конвульсиях.

Значит, он день и ночь торговал собой, чтобы... накопить на будущее для своего никчемного сына?

— Береги себя, Тун Ли.

А-Кай тяжело похлопал его по плечу, оставив после себя лишь тяжелый вздох, и вышел.

В пустой палате Тун Ли не сводил глаз с карты. Его сердце словно пропустили через мясорубку, но он больше не чувствовал боли.

Он сжал карту обеими руками так, что на тыльной стороне ладоней вздулись вены. Он хотел переломить её...

Но в последний момент разжал пальцы и прижал карту к груди, вцепившись в неё изо всех сил.

Он ненавидел эти деньги, заработанные отцом ценой собственного тела. Но эти деньги были куплены жизнью Тун Пинчуаня.

В палате, наполненной запахом смерти, эхом отдавался похоронный марш, который, казалось, играли сами призраки.

А на другом конце города, в особняке Лу, гремел веселый джаз, и гости смеялись, наслаждаясь праздником.

060. Свет, чтобы выжить

— Тун Пинчуань, ты совсем не понимаешь, чего я хочу на самом деле!

— Мне, Тун Ли, не нужно никакое будущее!

— Если мне суждено жить одному, то лучше...

Проще умереть.

Вернувшись из больницы в свой пустой дом, Тун Ли чувствовал, как нож врезается в кожу запястья.

Алая кровь, словно прорвав плотину, хлынула из-под тонкой бледной кожи, издавая едва слышный звук. Через несколько секунд на полу уже образовалась лужа.

Она расплзлась, пропитывая рукава, оставляя на белом кафеле кровавые узоры — печальные и в то же время прекрасные.

Тун Ли смотрел, как кровь медленно вытекает из его тела. Пошатываясь, он встал и вошел в свою маленькую комнату.

Алые капли падали на пол одна за другой.

Под кроватью хранились его мечты — рисунки, каждый штрих которых был так дорог. Но перед лицом смерти и отчаяния всё это казалось таким ничтожным.

Тун Ли открыл картонную коробку. Внутри были его старые рисунки.

На одном Тун Пинчуань спит на диване, пьяный, неизвестно почему плача во сне.

На другом — сидит во дворе и задумчиво смотрит на облака.

На третьем — в дождливый день бежит с зонтом к Тун Ли, который ждет его у ворот школы...

...

Тун Ли завороченно смотрел на старика на бумаге, пока кровь не запачкала рисунок, а слёзы не затуманили взгляд. Лишь тогда он понял, что потерял слишком много крови.

В углу стояла еще одна коробка.

В ней был спрятан «большой мальчик».

Тот, кто когда-то сказал ему:

— Сяо Ли, если однажды твои близкие уйдут, приходи ко мне. Я стану твоей семьей.

В безжизненных глазах забрезжил слабый свет. Тун Ли потянулся к коробке, но, боясь испачкать содержимое кровью, нашел черную ткань и туго перевязал запястье.

Кровь пропитала ткань, но из-за черного цвета её было не видно. Это помогло остановить кровотечение.

На самом деле Тун Ли давно готовился к дню рождения Лу Яньсюаня.

Он создал альбом, собрав в него все рисунки, на которых был изображен Лу.

Он хотел подарить его в день праздника.

Листая страницу за страницей: Лу Яньсюань смеется, спит, нахмурившись, целует его в лоб, осторожно обнимает, бежит с ним за руку по цветочному полю...

Как он мог забыть? У них было столько прекрасных воспоминаний.

— Яньсюань, ты правда... можешь стать моей семьей?

Тун Ли прижал альбом к груди. Свернувшись в углу, он наконец разрыдался, как обиженный ребенок.

У него было столько боли, столько невысказанных обид. Он хотел прижаться к его теплой груди, слушать, как бьется его сердце.

Если это Лу Яньсюань, может, он согласится выслушать?

Если это Лу Яньсюань, может быть, всё еще возможно...

Тун Ли вытер слёзы и, дрожа, поднялся, опираясь на стену.

Чтобы не выглядеть совсем уж жалко, он смыл кровь, надел чистую куртку и, прижимая к себе альбом, вышел из дома.

В куртке, вместе с альбомом, была спрятана его последняя надежда.

Хрупкая фигурка юноши с трудом пробиралась сквозь ночь, которая казалась такой прекрасной.

061. Его невеста очень красива

Юноша шел по ночным улицам, прижимая к себе альбом.

Приближаясь к особняку Лу, он начал слышать доносящиеся оттуда звуки веселья.

Казалось, его скорбная фигура совершенно не вписывается в этот праздник жизни.

Сегодня же день рождения Яньсюаня. В его доме шумно, так и должно быть...

Убеждая себя в этом, Тун Ли почувствовал, что сердце болит чуть меньше.

Наверное, пришло много гостей — у ворот стояло множество роскошных автомобилей. Некоторые марки он знал, некоторые видел впервые, но по обтекаемым формам было ясно: всё это стоит целое состояние.

Тун Ли крепче сжал альбом. Внутри всё сжалось, но он набрался смелости и направился к черным готическим воротам.

<http://bllate.org/book/22277/2332194>